

К.И. Башанова, аспирант
В.Д. Дугаров, д-р ист. наук, проф.
Бурятский государственный университет

УДК 94 (47+517.3)

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И МОНГОЛИИ В НАЧАЛЕ XX в.
(К СТОЛЕТИЮ ПОДПИСАНИЯ РУССКО-МОНГОЛЬСКОГО
СОГЛАШЕНИЯ)**

Статья посвящена вопросам международных отношений Центрально-Азиатского треугольника – Россия, Китай, Монголия – в начале XX в. В этот период особенно остро встает проблема территориального разграничения в рассматриваемом регионе, вызванная спорными вопросами границ между этими государствами, которые еще более усложнились в результате появления новых субъектов международного права – республиканского Китая и автономной Монголии.

Ключевые слова: русско-монгольское соглашение, автономная Монголия, граница, геостратегические интересы, территориальные проблемы, Урянхайский край.

K.I. Bashanova, P.G.
V.D. Dugarov, D. Sc. History, Prof.

**THE TERRITORIAL PROBLEMS OF RUSSIA AND MONGOLIA
IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
(TO THE CENTENARY
OF THE SIGNING OF THE RUSSIAN-MONGOLIAN AGREEMENT)**

The article is devoted to international relations of the Central Asian triangle – Russia, Mongolia, China - in the beginning of the twentieth century. In this period the problem of territorial demarcation in the region is particularly acute, caused by the disputed borders between the two countries, which are even more complicated as a result of appearance of new subjects of international law - the Republic of China and Autonomous Mongolia.

Key words: Russian-Mongolian agreement, Autonomous Mongolia, the state border, geo-strategic interests, territorial problems, Uryankhaysky Territory.

Современный мир как никогда ранее взаимосвязан и взаимозависим, внешняя среда оказывает значительное влияние на любой субъект международных отношений, однако для некоторых так называемых «малых» стран она оказывается определяющей для внутреннего развития. К таковым, без сомнения, можно отнести Монголию, чья история, особенно в XX в., была насыщена драматическими событиями и кардинальными поворотами, но практически всегда определялась ее географическим положением. Местонахождение между двумя великими соседями, многократно превосходящими ее территориально и по численности населения, исторически сформировало непреходящую взаимосвязь внешних геополитических факторов и судеб монгольской государственности на протяжении последних веков.

В Новое время территория Монголии стала объектом столкновения двух земледельческих цивилизаций – русской и китайской, что в конечном счете привело к утрате Монголией своей государственности. Процесс создания самой протяженной в мире границы между Российской и Цинской империями был длительным по времени и трагичным в своей истории, во всяком случае для монгольского мира. Долгое время между двумя империями существовали неразграниченные земли, так называемый лимитроф, в который входила и Монголия [1, с. 71]. В XVII в. Монголия оказалась пограничной зоной между осваивавшими Сибирь русскими и создававшим вокруг себя буферную зону Китаем. С этого времени Монголия становится объектом соперничества двух империй, история которого была продолжительна по времени и в итоге привела к созданию новой монгольской государственности в период революци-

онных преобразований в России и активного революционного процесса в Китае, гражданских и мировых войн [5, с. 53].

В противостоянии России и Китая за обладание Монголией в начале XX в. задачей первого плана становится определение места и роли малых государств в глобальных и региональных конфликтах того времени. Оригинальной в этом отношении является мысль востоковеда С.Г. Лузянина, выделяющего внешнеполитическую особенность Монголии: сочетание активного и пассивного начала в монгольском курсе на мировой арене (Монголия как объект политики России, Китая, Японии и, одновременно, Монголия как субъект собственной государственной политики). Он, в частности, выделяет этнорегиональный уровень международной политики Монголии в пределах российско-монголо-китайской границы, на котором Монголия «могла быть активным субъектом, проводившим в рамках той или иной идеологической доктрины собственную линию относительно Внутренней Монголии, Тувы, Бурятии, Тибета и других сопредельных этнорегионов» [7, с. 38].

В 1911 г. Внешняя Монголия (Халха), изгнав маньчжуров, провозгласила свою независимость. Во главе Халхи стал первоиерарх монгольской буддийской церкви Богдо-гэгэн VIII (Джебзун-Дамба-хутухта), получивший титул Богдо-хана (Великого хана). Основу внешней политики составляла борьба за международное признание суверенитета Монголии. Правящие круги стремились создать единое государство, включавшее Халху, Западную Монголию и княжества Внутренней Монголии. Объективно такая политика была прогрессивной, так как направлялась на возрождение национальной государственности и способствовала подъему национального самосознания.

Еще в августе 1911 г. монгольское правительство направило письмо русскому царю с предложением заключить договор о признании независимости Монголии. Считаясь с негативной реакцией европейских держав, правительство Николая II отклонило предложения монгольских феодалов о восстановлении государственной независимости Монголии и признании полной автономии. Тем не менее Россия решила принять на себя посредничество в отношениях между Монгольским государством и Китаем и оказать монголам возможную поддержку. Влияние России на Внешнюю Монголию в основном шло через развитие торговли. В связи с принятием в 1891 г. решения о строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали в начале XX в. в России активизировался процесс освоения восточных окраин и укрепления безопасности дальневосточных границ. Монголия входила в зону российских экономических интересов и в связи с дальнейшей политической и экономической самостоятельностью Внешней Монголии. Правительство России стремилось изолировать Внешнюю Монголию от иностранного капитала и привязать экономически к Транссибирской магистрали.

21 октября 1912 г. было заключено русско-монгольское соглашение о гарантиях со стороны России автономии Халхи в составе Китая. В ответ на протесты официального Пекина, который указывал, что «Монголия является составной частью Китая, и, хотя в ней и происходят волнения, она отнюдь не правоспособна заключать соглашений с иностранными государствами» [9, с. 32], 5 ноября 1913 г. в Кяхте была подписана декларация, формулирующая позиции сторон в возникнувшем споре о статусе Внешней Монголии. Власть Богдо-гэгэна подкреплялась соответствующими гарантиями, которыми и обеспечивалось и сохранение монгольской теократии при республиканском правительстве Китая.

В целях урегулирования имеющихся разногласий и дальнейшего определения статуса Внешней Монголии 7 июня 1915 г. было подписано русско-китайско-монгольское (так называемое «Тройное соглашение») соглашение об автономии Внешней Монголии. Правительство Богдо-гэгэна получало исключительное право ведать всеми внутренними делами управления, иметь дипломатическое представительство за границей, а также могло заключать международные договоры и соглашения, касавшиеся вопросов торговли и промышленности. Оно было лишено права заключения международных договоров с другими государствами, по которым предусматривалось решение политических и территориальных проблем [9, с. 68].

Оказывая поддержку монголам в их борьбе за освобождение от Цинской империи и позже от Китая, Россия имела в виду собственные стратегические и экономические интересы в Северной и Западной Монголии. Так, например, министр иностранных дел С.Д. Сазонов предлагал включить в границы фактически отделившейся к тому моменту Внешней Монголии Кобдосский и Алтайский округа (западные регионы современной Монголии), так как «это соответствовало бы нашим интересам», ибо «в географическом, экономическом, этнографическом отношении они являются естественным продолжением Халхи и примыкают к нашей границе, представляя удобный заслон от Китая» [2, с. 67]. Одновременно с этим Сазонов выступал против включения в состав отделившейся Внешней Монголии Внутренней Монголии и Барги (населенной монголами области Маньчжурии). Подобную позицию можно объяснить следующими причинами. Во-первых, включение Внутренней Монголии в состав отделившейся Внешней Монголии противоречило условиям секретных русско-японских соглашений 1907 и 1910 гг. о разделе между Петербургом и Токио сфер влияния в Монголии и Маньчжурии. Во-вторых, Россия была заинтересована в укреплении антикитайских сил лишь в тех районах Монголии, которые территориально отделяли российские границы от Китая. В подобном подходе преобладали соображения геостратегического характера [8, с. 45].

Поддерживая монголов, Петербург выступал за предоставление Внешней Монголии статуса автономии в составе Китая и отрицательно относился к идее ее полной независимости. И в российско-монгольской декларации 1912 г., и в российско-китайской декларации 1913 г., и, наконец, в Кяхтинском тройственном (России, Китая и Монголии) соглашении 1915 г. царское правительство последовательно отстаивало эту позицию [3, с. 42]. Тем самым оно стремилось сохранить исторически сложившийся баланс сил, существовавший в регионе на протяжении двух столетий. Не случайно в основу Кяхтинского соглашения легли три основных требования России к Китаю: не содержать во Внешней Монголии китайских войск, не колонизировать ее земель, не вводить в ней китайскую военную и гражданскую администрацию [10, с. 103]. Фактически подобные условия означали сохранение традиционной системы отношений между Внешней Монголией, Россией и Китаем, в которой монгольская территория являлась естественной преградой между обширной частью российской территории и Китайским государством.

Кроме сохранения регионального статус-кво, в политике России присутствовало опасение за целостность собственной территории. Образование независимого Монгольского государства, по мнению представителей Российского руководства, могло послужить стимулом к национальному движению родственных монголам российских бурят [8, с. 46]. О том, что российские власти рассматривали возможность существования подобных связей, свидетельствует телеграмма управляющего МИД посланнику в Пекине от 9 сентября 1911 г., в которой говорилось следующее: «... мы не намерены поощрять среди наших буддистских подданных волнений, которые могли бы передаться в Монголию; но и китайское правительство хорошо сделает, если со своей стороны откажется от мер, вызывающих в Халхе брожения, которые могут передаться в наши пределы» [11, с. 135].

Также на протяжении всего периода переговоров монгольской стороной неоднократно поднимался вопрос об Урянхайском крае. Монгольское правительство заявляло, что не может отказаться от этого края, ибо он искони входил в состав Монголии, к тому же, тану-урянхайцы обратились в Ургу с просьбой о принятии их в подданство. И ныне, ввиду объединения всех монголов, Урянхайская земля должна войти в состав Халхи [6, с. 249]. Притязания Ургинского правительства Петербург посчитал малообоснованными, поскольку для России эти территории тоже представляли интерес.

Урянхайский край лежит в Западной Монголии и прилегает к Сибири, гранича с Енисейской, Томской и Иркутской губерниями. Область эта, орошаемая Верхним Енисеем и его притоками, изобилует реками, озерами, лесами и пастбищами. Кроме того, Урянхайский край богат минералами – золотом, железом, медью, асбестом, каменной солью и проч. Богат-

ства эти, за немногими исключениями, никем не использовались из-за отсутствия рабочих рук и капиталов, а также ввиду неустойчивости положения края [6, с. 250].

Между тем российское правительство могло привести некоторые доводы в пользу своих прав на Верхний Енисей. Еще в начале XVII в. местные племена являлись данниками Москвы и платили ясак сибирским воеводам, а их правитель Алтын-хан присягнул на верность царю Михаилу Федоровичу. Смерть Алтын-хана в 1657 г. прервала даннические отношения урянхов и отвлекла внимание Москвы от бассейна Верхнего Енисея. Следующим этапом в разграничении территорий в этой области стало заключение в 1727 г. договора с Китаем в Кяхте. Договор этот, заключенный русским посланником Саввой Владиславичем Рагузинским, установил русско-китайскую границу на всем протяжении между Сибирью и Монголией. Вследствие политических обстоятельств того времени внимание было, главным образом, направлено на центральные и восточные участки, поскольку при заключении Нерчинского договора 1689 г. территория между реками Горбица и Уда осталась не разграниченной. На южном и западном участках китайским комиссарам удалось провести границу в желательном для Китая направлении – по южному склону Саянского хребта. Таким образом, бассейн Верхнего Енисея и Урянхайский край были формально включены в китайские владения. Однако Пекинское правительство продолжало смотреть на него как на полузависимую область, а проведенная граница вызывала сомнения российской стороны [6, с. 253].

По мнению проф. А.Д. Воскресенского, юридическое оформление государственных границ и принадлежности буферных зон между Россией и Китаем, к которым, мы считаем, вполне правомерно отнести и Урянхайский край, отражало изменение внутри региональной системы русско-китайских отношений. Главным образом благодаря наличию подобных буферных зон, где официальная граница могла меняться, этим государствам всегда удавалось решать свои проблемы и восстанавливать стабильное равновесие посредством дипломатических переговоров [4, с. 87].

Иллюстрацией положения в Урянхае служит мнение известного английского исследователя Монголии Д. Каррутера, посетившего эту страну в 1909 г.: «При взгляде на бассейн Верхнего Енисея, я понял, что эта местность, хоть и находится в пределах Китайской империи, но, в сущности, принадлежит Сибири. Физически, политически и экономически бассейн должен принадлежать России, а не Монголии, и неизбежность поглощения этой местности Сибирью легко себе представить» [12, с. 97].

В конце концов, на основании русско-монгольского соглашения в состав Халхи, кроме четырех аймаков, вошли Улясутайский и Кобдосский округа, Урянхайский же край оказался отрезанным от Син-цзяна и Алтая, оставшихся под властью Китая.

Вспыхнувшая в Китае в 1911 г. революция ускорила развязку Урянхайского вопроса. В 1913 г. российское правительство высказалось в пользу постепенного подчинения Урянхия России, отметив необходимость пересмотра границы с Китаем. Осенью 1914 г. местное население было оповещено о принятии края под покровительство России. Вскоре в Урянхайском крае был основан в качестве административного центра город Белоцарск, чем подтвердилось решение считать этот край русским. В Китае объявление протектората не вызвало протеста. Урга также не стала открыто выступать против России и вынуждена была на время отказаться от планов включения указанных территорий в состав своего государства. Все последующие притязания на Урянхайский край как со стороны Урги, так и со стороны Пекина российским правительством были твердо отклонены.

Таким образом, Российская империя проводила сложную дипломатическую политику. С одной стороны, Россия стремилась к укреплению влияния на Внешнюю Монголию, а с другой, – дорожила стабильными отношениями с Китаем. К этому запутанному клубку международных противоречий добавлялись и территориальные проблемы, вызванные спорными вопросами границ в Центрально-Азиатском регионе и усложнившиеся в результате появления новых субъектов международного права – республиканского Китая и автономной Монголии.

Библиография

1. *Аюшиева И.Г.* Современная концепция внешней политики Монголии – попытка преодоления буферного характера государственности // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 16. – С. 115–123.
2. *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911 – 1919 гг.). – М.: Изд-во ИВ РАН, 1999. – 235 с.
3. *Белов Е.А., Лузянин С.Г.* О концепции «монгольского вопроса» в «Истории Монгольской Народной Республики» // Восток. – 2000. – №1. – С. 132–139.
4. *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия: историческая динамика политических взаимодействий. – М., 2004. – 600 с.
5. *Дугаров В.Д.* Государство и общество у монголоязычных народов в современной монголо-ведной науке России (проблемы самоидентификации) // Человек, культура и общество в изменяющемся мире: сб. науч. тр. в 2 ч. Ч.1. – Улан-Удэ, 2011. – 237 с.
6. *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до советской республики. – Улан-Батор: Адмон, 2004. – 647 с.
7. *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. – М., 2005. – 319 с.
8. *Родионов В.А.* Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI в. – Улан-Удэ, 2009. – 228 с.
9. Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. – Док. №27. – М., 2002. – 488 с.
10. Тройственное соглашение об Автономной Монголии // Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. – М., 1958. – 138 с.
11. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия в Новое время. – Улан-Удэ, 2002. – 229 с.
12. Unknown Mongolia by Douglas Carruthers. Vol. I. – London, 1916. – 168 p.

Bibliography

1. *Aushieva I.G.* The modern concept of foreign policy of Mongolia - an attempt to overcome the buffer nature of statehood // Tomsk State University Bulletin. – 2008. – N 16. – P. 115–123.
2. *Belov E.A.* Russia and Mongolia (1911–1919). – M., 1999. – 235 p.
3. *Belov E.A., Luzyanin S.G.* About the concept of «Mongolian question» in the «History of the Mongolian People's Republic» // Vostok. – 2000. – N 1. – P. 132–139.
4. *Voskresensky A.D.* China and Russia: historical dynamics of political interferences. – M., 2004. – 600 p.
5. *Dugarov V.D.* Man, culture and society in the changing world: Collection of research articles in 2 parts. P. 1. – Ulan-Ude, 2011. – 237 p.
6. *Korostovets I.Y.* From Genghis Khan to the Soviet Republic. – Ulan-Bator: Admon, 2004. – 647 p.
7. *Luzyanin S.G.* Russia – Mongolia – China in the first half of the twentieth century. – M., 2005. – 319 p.
8. *Rodionov V.A.* Russia and Mongolia: a new model of relations in the beginning of the XXI century. – Ulan-Ude, 2009. – 228 p.
9. The collection of diplomatic documents on Mongolian issue. – Report N 27. – M., 2002. – 488 p.
10. Tripartite agreement on Autonomous Mongolia // Russian-Chinese relations 1689–1916. Official documents. – M., 1958. – 138 p.
11. *Chimitdorzhiev Sh. B.* Russia and Mongolia. – Ulan-Ude, 2002. – 229 p.
12. Unknown Mongolia by Douglas Carruthers. Vol. I. – London, 1916. – 168 p.